

---

---

## Глава десятая

### ОПИСАНИЕ ГЕРБА

Первые описания западноевропейских гербов обнаруживаются в произведениях словесности, которые восходят к XII столетию. Эти описания, представавшие как устные речения, отражали впечатления, которые возникали при рассматривании изображений, присутствовавших главным образом на щитах рыцарей<sup>1</sup>. Данным обстоятельством объясняется и то, что самое имя герба (*arma, varn*), утвердившееся в странах Западной Европы в XIV в., поначалу также прилагалось исключительно к эмблеме щита.

Гербы датчан, известные по источникам конца XII – XIII в., также в большинстве своем предстают на щитах, из чего заключаем, что на заре геральдики в Дании герб рассматривался как эмблема в первую очередь щита. Другими словами, в ту эпоху зрительные впечатления датчан о гербе получались от его изображения на щите. Следовательно, можно утверждать, что история описания герба на датской, как и в целом западноевропейской, почве начиналась с описания гербового щита.

Уже в Средние века передавать на датском языке сообщение о гербе означало “описывать” (*beskrive*) его. Причем первоначально данное слово, произошедшее от латинского слова “*scribere*” (чертить, писать, описывать), прилагалось не к тексту, а к гербовому рисунку, о чем свидетельствуют первые дворянские грамоты, изданные в Дании. В этих грамотах, например, датированных 1433 г., сообщается об эмблемах щита и шлема, “в согласии с тем, как они здесь ниже изобразительно описаны” (*effter thy som the her fornethen maledh bescreuen stande*)<sup>2</sup> или “как здесь ниже изобразительно описаны” (*som her vnder nedhen vt maledh bescreuen sta*)<sup>3</sup>. Однако в более поздних дворянских грамотах, восходящих ко второй половине XV в. и последующим столетиям,

<sup>1</sup> Например, в “Рыцаре Телеги” Кретьена де Труа зрительские впечатления от щитовых эмблем рыцарей, участвовавших в турнире, представлены следующим образом: “Видите вон того рыцаря, с золотой каймой на червленом щите? А другого заметили? У которого на щите дракон рядом с орлом? А там, рядом с ним, еще один... Он носит щит, на одной части которого леопард на зеленом поле, а второе поле – лазурное... А вон тот, у которого щит с двумя фазанами, касающимися друг друга клювами...” (Цит. по: *Кни М.* Рыцарство. М., 2000. С. 227).

<sup>2</sup> Povel Mattihissøns Vaaben og Adels- Brev, givet af Kong Erik af Pommern 1433 // DM. Bd. II. S. 36.

<sup>3</sup> Niels Nielssøns Vaaben og Adels- Brev givet af Kong Erik of Pommern 1433 // DM. Bd. I. S. 99.

вместо этих формул употреблялось выражение “как здесь изображено” (*som her udi maallit stander*)<sup>4</sup> или ему подобные.

Очевидно, что в первых дворянских грамотах глагол “описывать” не пользовался в смысле “представлять художественное изображение герба”, а не в значении “рассказывать о гербе посредством рукописания”. Отсюда можно предположить, что этим глаголом в более раннее время, когда еще не вошло в обычай закреплять сведения о гербе на письме, обозначали действие, направленное именно на создание изображения герба. Говоря по-другому, “описывать” герб поначалу означало передавать его художественное изображение. Такое употребление слова “описывать” по отношению к изображению герба находит объяснение в том, что герб не был порождением письменной культуры, а возник как эмблема, представлявшая собой собрание символических знаков, которые, являясь способом выражения средневекового символического умозрения, не предполагали непрямого рукописного представления. И только с падением этого символического умозрения в позднее Средневековье, в условиях укоренившегося признания за письменным документом решающего свидетельства, в том числе в области права, стало вызревать желание закреплять рукописанием имена знаков, из которых состояли гербовые эмблемы. Эти перемены в духовной жизни датчан, дополнившиеся влиянием иноземной “геральдической” практики, получили отражение в дворянских грамотах XV в. при употреблении слова “описывать”. Составители первых из этих грамот еще находились под влиянием прежней, образительной традиции описания гербов. Их более поздние преемники обнаруживают себя уже людьми устоявшейся письменной культуры в части понимания того, что герб в его художественном исполнении был только “изображен”, а не “образительно описан”.

Что же касается текста, сообщающего о гербовых эмблемах, то по отношению к нему, равно как и к другому ранее приведенному тексту, посвященному дворянским правам, в тех же грамотах 1433 г., а именно в их заключительной части, употреблено слово “вышеписанный”: “Для заверения и утверждения этих вышеписанных вольности и герба” (*Til Witerlicheet och Stadhfestelsse thenne forskreffne Frihets ok Wapns*)<sup>5</sup>. Иначе говоря, в данном случае, вследствие канцелярского правила, на котором основывались в то время составители датских документов, делалось только указание относительно содержания текста, приведенного, “писанного” в основной части грамоты. В дворянских грамотах издававшихся во второй половине XV – XVII вв. такая формула отсутствовала. Вместо нее в грамотах XVII в. при последующем упоминании “вольностей”, “привилегий”, “шлема и щита” иногда употреблялось выражение “которые выше писаны” (*som forskrevet staaer*)<sup>6</sup>. Но специального термина, которым датчане обозначали бы представление гербовых эмблем на письме, ни в грамотах XV–XVII вв., ни в других письменных источниках указанного периода не обнаруживаем.

<sup>4</sup> Niels Madsøns Vaaben og Adels- Brev givet af Kong Hans 1497 // DM. Bd. III. S. 163 (грамота Пильца Мадсеёна 1497 г.).

<sup>5</sup> Povel Matthiisøns Vaaben og Adels- Brev // DM. Bd. II. S. 36.

<sup>6</sup> Christen Ф. Э. Снехана 1670 г. (Цит. по: *Thiset A. Begrebet Dansk Adel, særlig med Hensyn til Kong Christian V's Adels- og Vaabenbreve* // III. 1899. R. 7, bd. 2. S. 329).

Отсутствует такой термин и в датских памятниках письменности первой половины XVIII в., о чем свидетельствуют дворянские патенты, текст геральдического сочинения Л. Хольберга (1726 г.) и предисловия в “Датском Журнале” за 1745–1747 гг., предвещающие публикации дворянских грамот с изображенными в них гербами. И только уже позже, к началу XX в., как следует из книги о датской геральдике П.Б. Грансяна (1919 г.)<sup>7</sup>, в геральдической литературе Дании утверждается слово “beskrivelse” в качестве технического имени, которым обозначалось не только изображение, начертание гербовой эмблемы, но также ее рукописное или устное словесное представление, описание. Кроме того, в это время, по тому же свидетельству П.Б. Грансяна, у датских знатоков геральдики вошло в обиходное использование в указанном значении и термин “blasonering”, происходивший от французского глагола “blasonner” – рисовать, объяснять геральдические знаки.

Впрочем, нельзя исключать, что слово “beskrivelse” и соответственно глагол “beskrive”, от которого оно произошло, в значении словесного описания гербов в просторечии стали употребляться в Дании значительно раньше, быть может, на рубеже Средневековья и Нового времени. Косвенным свидетельством тому служит использование одинакового по смыслу латинского слова “descriptio” в качестве наименования письменного рассказа о похоронах короля Фредерика II в 1588 г.: “Descriptio Pompaе funebris”. Среди прочего, в этом рассказе содержится сообщение о знаменах и других предметах с изображениями гербов почившего государя. Стало быть, слово “descriptio” в данном случае прилагалось и к этим предметам, а поскольку назывались и сами гербовые эмблемы, то можно заключить, что они также представлялись через словесное “описание”. К этому присовокупим, что употребление в дворянских грамотах выражения “вышеписанные вольность и герб” уже на исходе Средних веков могло приводить к возникновению мысли о приложении слов “писать” и “описывать” к словесному, рукописному или устному, сообщению о гербовых эмблемах.

Щитовые цвета и фигуры, однако, могли передаваться и на других предметах, которые тоже нередко находили своих описателей. И мы знаем, что самые ранние из сохранившихся словесных описаний датских гербов вообще и не заключенных в щитах в частности были сделаны иноземцами в XIV в. по оттиску печати, принадлежавшей графу Якобу Нёррехалландскому, и знамени короля Дании. Однако в силу природной одноцветности воска норвежские описатели<sup>8</sup> печати графа Якоба в 1306 г., конечно, не могли передать цвета гербовых знаков. Испанский же писатель середины XIV в., оставивший сообщение об эмблеме на золотом знамени датского короля, при правильном сообщении о цвете поля не точно передал цвет, в который окрашивались фигуры трех львов в гербе короля Дании. Вместо синего цвета, с которым в действительности, как о том свидетельствуют изобразительные источники XIII–XIV вв., представляли эти фигуры, он назвал черный (*vn pendon de oro con tres leones prietos*)<sup>9</sup>.

<sup>7</sup> Grandjean P.B. Dansk Heraldik. Kbh, 1919. S. 257.

<sup>8</sup> DD. R. 2, bd. 6. N 4.

<sup>9</sup> Libro del conocimiento de todos los reinos y tierras y señoríos que son por el mundo... / Ed. M. Jimenez de la Espada. Barcelona, 1980. P. 11.

По текст с описанием герба графа Якоба, которое было сделано по его печати, драгоценен еще и в другом отношении. В нем нашли отражение те представления, которыми норвежцы уже к XIV в. стали руководствоваться при словесном описании гербов с двумя полями – верхним и нижним. Эти представления исходили из прочно укоренившегося к тому времени убеждения, что верхнее место является более почетным, нежели нижнее. И действительно, в верхнем поле герба графа Якоба присутствовала фигура льва (леопарда), имевшая более высокий статус, чем сердца (морские листья), представленные в поле нижнем. Поэтому и описание этого герба его норвежские зрители начали с верхней фигуры. В дальнейшем такое возращение на статус верхнего и нижнего полей и представленных в них знаков непременно находило свое отражение при составлении других двухчастных гербов и их описании.

Вспомним также, что при выборе правого и левого места для расположения наиболее значимых гербовых щитов или гербовых эмблем в составных гербах и знаков в полях щита первенство “чести” отдавалось “геральдически” правому месту. Следовательно, можно предположить, что в данном случае описания должны были начинаться с гербовых щитов, эмблем и знаков, располагавшихся “геральдически” справа. Во всяком случае, в описаниях гербов, датируемых XV–XVI вв., это правило соблюдалось. Например, в дворянской грамоте Поуля Йенсена, изданной в 1426 или 1441 г., его гербовый щит описан следующим образом: “шесть частей, две с правой стороны, верхняя синяя, другая белая, с другой стороны четыре части, две белые и другие две красные”<sup>10</sup>. Изображение гербового щита Поуля Йенсена подтверждает, что под правой стороной в приведенном описании подразумевалась именно “геральдически” правая сторона<sup>11</sup>. Другой пример находим на страницах “Деяний Фредерика Второго”, изданных в 1592 г. во Франкфурте. Здесь в стихотворной форме приводится описание герба вельможи Хенрика Ранцау, в котором, в частности, говорится о красной правой части щита и левой белой (*Parte rubet dextra clipe, pars alba sinistra*), что соответствовало действительности, как видно из приведенного рядом изображения герба Ранцау<sup>12</sup>.

Число полей, однако, могло не ограничиваться двумя, что ранее всего, в конце XIV в., обнаружилось в составных гербах владетельных особ, герцога Шлезвига и Гольштейна и короля Дании. В то же время порядок, определявший расположение эмблем в их многочастных гербах, обычно соответствовал политическому статусу государств и владений, геральдическими символами которых эти эмблемы являлись. Это правило соблюдалось и при именовании имен государств и земель в титуле герцога и короля. Кроме того, из описания современника известно, что во время похорон Фредерика II (1588 г.) знамена с гербовыми эмблемами, входившими в королевский герб, несли в установленной очередности, которая определялась значением эмб

<sup>10</sup> “...seks stykker, to paa den højre side, det øverste er blaåt og det andet er hvidt, paa den anden side fire stykker, de to er hvide og de andre to er røde” (Цит. по: *Dahlerup T. Kabelslægtens våben og vasaller // Herald. Tidsskr. 1968. N 18. S. 349*).

<sup>11</sup> *Ibid.* S. 351.

<sup>12</sup> *Lavterbachius Joannes. De rebus gestis serenissimi principis ac D.D. Friderici Secundi, regis Daniae... Francofurti. 1592. P. 54.*

лемя (илл. 36). Перед катафалком с гробом почившего государя несли знамя с составным гербом, далее впереди, по мере удаления от катафалка, следовали знаменосцы, державшие знамена с гербами Дании, Норвегии, с тремя коронами, с эмблемами Готов и “Вандалов” (Славян), Готланда, Исландии, Шлезвига, Гольштейна, Стурмарна, Дитмаршена, Фемерна, Ольденбурга, Дельменхорста и Эзеля. Очевидно, что такое расположение гербовых знамен в целом отвечало тому правилу, по которому наиболее почетные места в составном гербе отводились сначала эмблемам королевств, а затем эмблемам прочих земель, согласно их политическому статусу. Правда, современник, оставивший рассказ о похоронах короля Фредерика, приводит описание знамен в обратном порядке. Но объяснение этому следует искать в том, что он не стремился описать составной герб, а имел целью лишь перечисление и описание знамен в том порядке, в каком их несли от начала траурной процессии.

Все эти факты дают основание считать, что в конце XIV – XVI в. описания составных гербов королей Дании и герцогов Шлезвига должны были начинаться с наиболее значимых эмблем, в соответствии с их местоположением в этом гербе. Впоследствии это правило непременно находило отражение в памятниках письменности. В 1726 г. именно ему следовал в рассказе об эмблемах составного герба короля Дании автор первого сочинения по датской геральдике Л. Хольберг<sup>13</sup>. В этом датский писатель, несомненно, опирался на традицию, которая к началу XVIII в. уже прочно укоренилась в Дании.

В начале XVII в. вошло в обыкновение создавать многочастные гербы и для датских дворян. Обычно такие гербы состояли из четырех родовых эмблем ближайших предков – родителей их матерей. Порядок размещения этих эмблем в полях щита в соответствии с порядком исчисления предков предполагал, что в первом поле изображалась эмблема отца, во втором – матери, в третьем – матери отца, в четвертом бабки по линии матери. Нетрудно предположить, что и описание родовых эмблем в четверочастном щите производилось в той же последовательности. Позднее, начиная с последней трети XVII в., стали создаваться многочастные дворянские гербы с четырьмя эмблемами, которые по происхождению не являлись самостоятельными гербами. Из текста дворянских грамот видно, что порядок описания этих четырех эмблем соответствовал правилу перечисления полей. Например, гербовый щит адмирала Петера Весселя Торденсьольда, согласно его дворянскому патенту 1716 г., “делится на четыре равные части”, каждая со своим изображением. Эти части представлены в следующем порядке: правая верхняя, левая верхняя, правая нижняя и левая нижняя: “В первой четверти сверкает огонь молнии на синей основе. Во второй, которая красная, стоит белый орел с раскрытыми крыльями. В третьей четверти, которая также красная, лежат две золотых пушки, скрещенные друг с другом, с двумя золотыми

<sup>13</sup> Л. Хольберг исчисляет эмблемы королевского герба в следующей очередности: Дания, Норвегия, Три Короны, Готы, Славяне, Шлезвиг, Гольштейн, Стурмарн, Дитмаршен, Ольденбург, Дельменхорст, Фемерн, Борнхольм, Готланд, Эзель, Фарерские острова, Исландия и Гренландия (*Holberg L. Om Danmarks og Norges Vaaben // Holberg L. Danmarks og Norges Beskrivelse. Kbh., 1729. S. 630–631*).

ядрами на каждой стороне и одним внизу, посредине. Третья и последняя четверть ведет синего льва, который стоит с обнаженной саблей в правой лапе”<sup>14</sup>. Сами изображения в этих четвертях были размещены не случайно, а именно в порядке их значения; во всяком случае, первая эмблема указывала на происхождение нового (дворянского) имени Петера Весселя Торденськьольд (*torden* – гром).

Но четверчастные щиты датских дворян могли заключать и две гербовые эмблемы, располагавшиеся соответственно одна в первом и четвертом, вторая во втором и третьем поле. Тем не менее и в этом случае отмеченный выше порядок сохранял свою силу. Так, в описании герба Ханса Воскама, находящемся в его дворянской грамоте (1701 г.), говорится, что “щит поделен на четыре равные части, или четверти. В первой четверти стоит прямо серебряный столб в красном поле. Во второй четверти, чье поле золотое, синее стропило. Третья четверть такая же, как и вторая, и четвертая, или последняя, подобна первой”<sup>15</sup>.

Королевские и дворянские гербовые эмблемы, кроме того, заключались в щиты, которые могли соединяться посредством наложения одного щита на другой. В этой связи следует вспомнить, что в Дании уже с XV столетия вошло в обыкновение в многочастном королевском гербе первые по значению эмблемы размещать в главном, или большом, щите, менее важным эмблемам отводить средний щит, а второстепенные изображать в щитке, или сердцевом щите. Отсюда произошел и обычай начинать описание составного королевского герба с эмблем главного щита и завершать эмблемами щитка. В дальнейшем в такой очередности стали описываться дворянские гербы, состоявшие из двух и большего числа щитов. Об этом можем судить, например, по тексту дворянской грамоты Ханса Воскама, в котором “меньший, или сердцевой, щит” (*mindre eller hierte Skiold*) с его эмблемой называется после того, как были описаны эмблемы “большого щита” (*store Skiold*).

Вслед за щитовыми изображениями в датской геральдике принято описывать шлемовые эмблемы. Этот обычай, очевидно, стал укореняться на датской почве еще в XIV в., когда гербовые щиты начали приводиться в связь со шлемами, эмблемы которых получили признание в качестве элемента герба. Во всяком случае, в грамотах на право ношения герба дворянами и городскими общинами, составлявшихся в Дании с XV в., после описания щитовых изображений непременно следовало описание шлемовых эмблем. Помимо гербовых знаков с эпохи Средневековья шлем принято было украшать еще и наметом. Но это шлемовое украшение вошло в обыкновение включать в описания гербов только в XIX–XX вв.

<sup>14</sup> “Skioldet deeles udi fire lige deele. Udi det første Quarteer lyser en Liun Ild udi blaa grund. Udi det andet som er rødt staar een Hvid Ørn med udstragte Vinger. Udi det tredie Quarteer, som og et rødt ligger Tvende Stykker eller Canoner af Guld paa hin anden over tvert, med tvende Guld Kugler paa hver side og een midt under. Det fierde og sidste Quarteer fører een blaa Løve staaendes med een dragen Sabel udi Høire Fod” (Цит. по: *Bjerg H.Chr. Et Ukendt Tordenskioldsegel // Herald. Tidsskr.* 1964. N 10. S. 432).

<sup>15</sup> “Nemligen Skioldet er delt udi fire lige Dele og quanteerer. Udi det første quarteer staar een Søll Pille opreist udi et rød Feldt. Udi det andet quarteer hvis Feldt er Guld, er en blaa Sparre. Det tredie quarteer er lige som det andet, og det fierde eller sidste er liip det første” (Цит. по: *A/chen/S.T. Et nyfundet dansk adelspatent fra 1701 // Herald. Tidsskr.* 1968. N 17. S. 312).

Не сразу, лишь с последней трети XVII в., стали приводиться в описании гербов и остальные внешние гербовые элементы. Сначала некоторые из них могли упоминаться одновременно с именем герба или шлема. Так, в описании герба графов Даннескьольд (1695 г.) говорится о “гербе, носимом золотым львом... и белым слоном” (*Vaaben baaren af en guld Løve og en hvid Elefant*)<sup>16</sup>. Судя по изображению этого герба, имелись в виду щитодержатели в образе льва и слона. Когда же хотели сообщить о короне, то, по свидетельству, например, дворянской грамоты Маттиаса Мота (1679 г.)<sup>17</sup>, писали о “коронованном турнирном шлеме” (*kronet Tourneerhjelms*). Но впоследствии, к XIX в., на датской почве укоренился обычай, по которому щитодержатели, корона и прочие гербовые элементы описывались после эмблем щита и шлема: при этом, правда, последовательность описания могла быть разной. Следуя такому правилу, например, был описан герб королевы Маргреты II, утвержденный в 1972 г. В соответствующей резолюции, при отсутствии шлема с его украшениями и девиза, в первую очередь дается описание главного щита (*hovedskjold*), затем сердцевого (*hjerteskjold*), а дальше исчисляются орденские цепи (*ordenskæder*), щитодержатели (*Våben... holdes af to... vildmænd*), корона (*kongekrone*) и мантия (*våbentelt*)<sup>18</sup>.

Таким образом, можно заключить, что искусство описания герба (*våbenbeskrivelse, blasonering*) в Дании развивалось постепенно. Оно зарождалось в условиях господствовавшего в Средние века наглядно-символического умозрения в качестве представления эмблемы на оружии или другом предмете посредством художественного начертания, изображения, красочного описания. Одновременно, как можно догадываться, стали появляться устные речения о содержании этих эмблем, возникавшие под впечатлением от созерцания гербовых знаков. Позднее, в последние столетия Средневековья, с падением символического умозрения, с развитием письменной культуры и под влиянием иноземных “геральдических” обычаев в Дании складываются духовные предпосылки для закрепления зрительных впечатлений на письме. При таких обстоятельствах в грамотах на право ношения герба дворянами и городскими общинами, издававшихся в Дании с первой половины XV в., письменные сообщения о гербовых эмблемах приобретают характер официальных свидетельств. В этих же грамотах, прежде всего, находили отражение те воззрения на порядок словесного представления эмблем и элементов герба, которые с течением времени складывались на датской почве. Этот порядок, при котором с позднего Средневековья первое место отводилось эмблемам щита, второе, по обыкновению, знакам шлема и т.д., определялся значимостью гербового элемента. В основных чертах он получил признание у знатоков геральдики в Западной Европе, в Дании в частности, к исходу XVII в., когда уже существовали все внешние гербовые элементы, посредством которых создавался образ полного герба, в последующие столетия лишь в некоторых деталях претерпевавший изменения. Однако на датской земле перечень элементов, следовавших за эмблемой щита и, как правило, за украшениями шлема, и после XVII в. мог различаться. В то же время

<sup>16</sup> Berner H. Gyldenløvernes våbener og de deraf afledede // *Herald. Tidsskr.* 1971. N 24. S. 158.

<sup>17</sup> *Thiset A. Begrebet Dansk Adel...* S. 333.

<sup>18</sup> *Svane E. Det danske Rigsvåben og Kongevåben.* Odense, 1994. S. 152.

со Средних веков последовательность рассказа о цитовой эмблеме ставилась в зависимость от пространственного расположения ее фигур: месту “геральдически” правому и верхнему отдавалось первенство. Этому правилу следовали и при перечислении эмблем, из которых слагались двух- и много частные гербы. Сам письменный характер сообщения о гербе способствовал тому, что такое сообщение со временем стало восприниматься как “описание герба”. Такое восприятие у датчан утверждалось с конца Средних веков и окончательно приобрело “геральдическое” значение, отлившись в специ альные термины, к исходу Нового времени.